разных списков имен в его дневниках. В них суммировались почерпнутые из различных источников знания, выверялись оценки, нередко производилось сравнение русских достижений в той или иной области с достижениями западноевропейскими. Подобные перечисления художников, свидетельствующие о пристальном интересе Муравьева к развитию русского искусства, встречаются в дневниках поэта 1780–1790-х годов неоднократно.[8] Муравьев, как и многие его современники, особенно восторженно относился к А. П. Лосенко, видел в нем русского Рафаэля, художника, способного встать вровень с западноевропейскими мастерами.[9]

Отрывки, представленные на суд Совета Академии художеств, проникнуты той же патриотической гордостью за успехи соотечественников, тем же историческим оптимизмом, той же просветительской убежденностью в возможности рационального постижения законов искусства. Помимо всего прочего они примечательны тем, что по отношению к ним в отличие от других сочинений Муравьева можно с уверенностью говорить о значительном, хотя, возможно, и опосредованном влиянии на русского поэта идей И. И. Винкельмана.

Несомненно, есть определенное сходство между многими более ранними утверждениями Муравьева и отдельными положениями немецкого историка искусства (я имею в виду восторженное преклонение перед древностью, мысль о необходимости подражания образцам как для художника, так и для стихотворца,[10] восхищение Гомером,[11] частое предпочтение древних новым, признание Рафаэля, Корреджо и Тициана наилучшими художниками Нового времени,[12] некритическое отношение к знаменитой формуле Горация «ut pictura poesis» и признание вследствие того поэзии говорящей живописью[13] и т. п.), однако все эти идеи столь общи, столь типичны, имели столь широкое хождение во второй половине XVIII столетия, что признание непосредственным их источником трудов именно Винкельмана, было бы по меньшей мере наивным. К тому же его сочинений нет в числе книг Муравьева, бóльшая часть которых находится ныне в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ.[14]

---

[8] Ср., например, следующие списки в тетради, заполнявшейся в 1770–1790-х гг.: «Фидий, Пракситель, Мишель-Анж, Жирардон, Лоррень, Фалконет, Пигаль, Пюжет, Пажу, Лемоень, Гардеев, Козловский, Шадрин» (РНБ, ф. 499, № 30, л. 39 об.); «Мишель-Анж, Як Бароций ди Виньола, кавал[ер] Бернини, Блондель, Баженов, Н. А. Львов, Гваренгий». (Там же, л. 40).

[9] Ср. муравьевскую надпись «А. П. Лосенкову» (1777) и следующую запись в одном из дневников: «Мишель-Анж, Тинторет, Тициан, Рафаил, Корреж, Албан, Доминикин, Гвидо Июлий Римлянин, Болоньезе, Пармезан, Аннибал Карраш, Жордано, Маратти, Алб[рехт] Дюрер, Жувенет, Рюбенс, Вандик, Веласкес еспаньолец, Ле Пуссень, ле Сюер, Ле Брюн, Коипель, Бушер, Ванлоо, Рету, Тьеполетто, Грюз, Раф[аил] Менгс, Батони, Лосенков». (Там же, л. 40 об.).

[10] *Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч. СПб., 1820. Т. III. С. 295.

[11] Там же. Т. I. СПб., 1819. С. 145–149, 207–209; Т. III. С. 140–141. См. также: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 108–117.

[12] Там же. Т. I. С. 151; Т. III. С. 295.

[13] Ср. стихотворения Муравьева «Об учении природы» (1779) и «К И. Ф. Богдановичу» (1782).

[14] Приношу благодарность Г. А. Космолинской за возможность ознакомиться с каталогом книг М. Н. Муравьева, хранящихся в Отделе редких книг и рукописей Научной биб-